

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ГЕРОЯ В РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ
1904–1905 ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК»,
«СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ», «ВЕСТНИК МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ»)**

С началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. перед правящими кругами встала задача ее популяризации, формирования в обществе позитивных «провоенных» настроений. Эта задача решалась, в первую очередь, средствами массовой информации – в данном случае прессой, принявшей соответствующий социальный заказ «верхов». Среди всего многообразия подходов совершенно четко выделяется подход, который условно можно было бы назвать как «создание героев». Речь здесь не идет, конечно, о том, что Русско-японская война не знала примеров героизма – напротив, несмотря на всю ее трагичность, таких эпизодов было множество. Речь идет о том, что в условиях увеличивающегося значения СМИ печать выступила в роли своеобразного фильтра, упоминая об одних лицах, умалчивая о других и вознося «до небес» третьих. Монархическая и либеральная пресса, кроме того, стремилась создать у своего читателя явно приукрашенный образ русской армии и флота, в том числе ее командного состава. Особенности формирования этого образа (и то, насколько эти попытки были успешны) представляют несомненный интерес для исследователя.

В качестве источника были рассмотрены два ведущих либеральных повременных издания Дальнего Востока и Западной Сибири: газеты «Дальний Восток» (издавалась во Владивостоке) и «Сибирская жизнь» (издавалась в Томске), а также орган печати, предназначенный специально для армии – «Вестник Маньчжурской армии» (издавал-

ся в разных местах по мере передвижения армии). «Дальний Восток» и «Сибирская жизнь» интересны еще и тем, что помимо собственных корреспонденций они содержали ссылки и перепечатки из центральных русских повременных изданий, таких как: «Русские Ведомости», «Московские Ведомости», «Санкт-Петербургские Ведомости», «Правительственный Вестник», «Новости», «Русское Слово», «Русский Лист», «Русь», «Русский Инвалид», «Новое Время» и др., что существенно расширяет их информативность как источника.

Итак, какие же герои предстают перед нами со страниц газет? В первую очередь дифирамбов удостоился сам командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант А. Н. Куропаткин. Пресса рисовала его выдающимся, а то и гениальным полководцем, будущим покорителем японских орд. Само отбытие А. Н. Куропаткина в действующую армию обставили с величайшей помпой: торжественные проводы, речи, панегирики «желанному вождю русских», подача благодарственных адресов, поднесение икон и т. п. Торжественные встречи-проводы командующего проводились на всем пути его следования и подробно освещались в печати. Хвалебные характеристики самого генерал-адъютанта встречались на каждом шагу, причем они продолжали с завидной регулярностью появляться на страницах газет в течение всего первого года войны.

Так, «Дальний Восток» изображал (со ссылкой на центральную прессу) А. Н. Ку-

ропаткина гениальным полководцем, наследником и преемником М. Д. Скобелева. По словам газеты, командующий распространяет в войсках спокойствие и уверенность, не любит помпы, ценит в окружающих только действительные заслуги и сам скромнен. Он трудолюбив и упорен, все силы отдает делу, заботится об армии, вникая во все ее нужды; он отличается личной храбростью и хладнокровием, спокойно стоит под разрывами шрапнели, неоднократно бывал на передовых позициях, в том числе и непосредственно во время боев. К войскам у него неизменно ласковое и любовное отношение, о солдате он заботится горячо и искренно, и солдат это понимает, отвечая командующему той же горячей и искренней любовью.

Со ссылкой на «Русский Лист» приводилась, например, следующая характеристика: А. Н. Куропаткин вполне доказал свои полководческие способности. Доверие к нему после Ляояна возросло, он победил русское общество тем, что не стал в угоду патриотической, но легкомысленной толпы приносить жертв, гоняться за дешевыми лаврами и славой. Его ценят теперь как талантливо-го полководца, который тонко руководит движениями больших войсковых масс, как прекрасного организатора тыловых сообщений, преобразователя интендантского ведомства, построенного на новых началах безупречной честности, а главное, его ценят как человека, который не продаст вверенного ему национального дела за мишуру славы и сколько-нибудь рискованного успеха. Куропаткин пользуется безусловным доверием солдат и всего народа, все верят в его непобедимость, его можно сравнить с Суворовым, Кутузовым, Скобелевым [1. № 229].

Аналогичные высказывания есть и в «Сибирской Жизни». Например, со ссылкой на «Санкт-Петербургские Ведомости» газета отмечала следующие качества А. Н. Куропаткина: «способность наивысшего использования находящихся в его распоряжении средств», создание атмосферы свободы действий для подчиненных, «способность предусмотреть опасность даже в далеком будущем», обширная боевая практика. Одним словом, «более удачного выбора нельзя было ожидать». Здесь же были помещены слова А. С. Суворина, редактора «Нового Времени»: «Что-то спокойное, крепкое, вдумчивое, деятельное

без всяких фраз... Русский человек в полном смысле этого слова, поднявшийся благодаря своим дарованиям и труду» [3. № 40].

Среди других качеств командующего, «Сибирская Жизнь» называла: железную волю, осторожность, дальновидность, твердость, решительность, близость к солдатам. Командующий «никогда не выпускает из виду своей конечной цели», «следит за всем до последних мелочей», «как стратег отличается бесконечным терпением и точностью», «никаким выражением лести не допустит уклонения от долга, как он его понимает» и т. д. [Там же. № 121, 158]. Приводились и хвалебные высказывания самих японцев, в частности главнокомандующего японской армии маршала Ойямы, что в лице Куропаткина он имеет «серьезного противника, глубокий ум, выдающийся талант полководца» [Там же. № 121].

«Сибирская Жизнь», кроме того, во множестве обращалась к тем эпизодам боевой биографии командующего, которые показывали его с самой лучшей стороны. И здесь читатель мог видеть А. Н. Куропаткина то руководящим отражением атаки, хотя сам был контужен; то его награждают французским орденом «Почетного Легиона» за блестящий военный труд; то А. Н. Куропаткин добывается участия в военной экспедиции, хотя мог бы остаться в тылу, и т. д. [Там же. № 57, 58]. Среди прочего присутствовала и ссылка на авторитет художника В. В. Верещагина, который писал о Куропаткине, как о храбром, разумном, хладнокровном офицере; в спорах со Скобелевым «этот рассудительный начальник штаба оказывался большею частью прав – более, чем блистательный, увлекающийся генерал» [Там же. № 83].

«Русские Ведомости» дополнили эту картину описанием образа жизни командующего: А. Н. Куропаткин работает с 7-00 до 24-00, часто объезжает войска и военные работы, посещает госпитали и санитарные поезда, сам распределяет медали [Там же. № 125].

Корреспонденции П. Краснова, которые публиковались в «Вестнике Маньчжурской армии», и вовсе напоминают лубок. Вот Куропаткин посещает 6-й корпус: «Медленно, внимательно всматриваясь в лица солдат, едет командующий армией по полю вдоль славных полков. Вот нацепил георгиевский крест фельдфебелю, вот областал раненого, вот

благосклонно говорит офицеру. Повернувши лошадь к полкам 9-й дивизии, он пускает ее галопом и скачет за железную дорогу к деревне Хэйшанцзай, подле которой стоят стрелки. И опять это приветливое “здорово молодцы” и веселый ликующий ответ» [4. № 10].

В другой заметке автор замечает: «выезжая в поле, командующий армией редкий бивак проезжал мимо без того, чтобы не попробовать пищу. И как ценили его солдаты, как трогательно было видеть, как подавал своему вождю ошарпанную деревянную ложку солдат, а другой, зачерпнув черпаком щи, подносил их к самому седлу. И это знали в войсках и потому и начальники частей бились изо всех сил, чтобы все было» [Там же. № 16].

А что же отступления? И здесь пресса была единодушна: все – во имя будущих побед, командующий стоит перед необходимостью сначала сосредоточить свои силы и только после этого сможет ударить. Так, «Сибирская Жизнь» со ссылкой на «Санкт-Петербургские Ведомости» писала, что А. Н. Куропаткин «уже сделал очень многое для подготовки блестящего конца» и что «как только у него будет 300 тысяч человек – звезда Японии закатится» [3. № 182]. А «Дальний Восток» даже в начале 1905 г. помещал на своих страницах следующую цитату: «Уверенно, неуклонно в продолжение нескольких месяцев он шел по раз намеченному плану, преследуя одну цель, верным, решительным ударом сокрушить врага. Сколько нравственных сил пришлось растратить за это время, сколько тяжелых минут пережить... Оттуда из далека, с родины, за честь которой грудью стояли тысячи предводимых им воинов здесь, на рубеже, оттуда доносилось до него всеобщее недоверие; осуждение толпы, всего народа, не знающего его планов. Ему, никогда не ищущему популярности, силу которого почти совсем не знал народ, не доверяли, сомневались в его знании, силе и уме... Долго, очень долго переносил генерал и отклики общественного недоверия, и скрытое недоброежелательство, и ряд ударов самолюбия, когда приходилось жертвовать минутным успехом ради будущего, и наглое торжество кичливого врага, воображающего, что рядом призрачных побед он уже завоевал чуть ли не весь мир...» [2. № 1].

Особо сомневающимся приводили слова самого А. Н. Куропаткина, который неод-

нократно заявлял, что понадобится «терпение, терпение, терпение». Соответственно, «Дальний Восток» ссылаясь на следующие слова командующего: «будет время, когда в ожидании моих войск я не в состоянии буду действовать, и общественное мнение спросит себя, не произошла ли ошибка, не слишком ли верили в меня, но я снова поднимусь, и у меня будет свой реванш» [1. № 128]. «Сибирская Жизнь», в свою очередь, писала, что А. Н. Куропаткин предусматривал те нападки, которым он подвергнется: «первый месяц меня будут обвинять в бездеятельности, во второй – называть неспособным, в третий – называть изменником, но я перейду в наступление, как только получу превосходство в силах» [3. № 118].

Впрочем, некоторые попытки газет защитить А. Н. Куропаткина сейчас выглядят как анекдот. Скажем, следующая цитата из «Нового Времени», приведенная на страницах «Сибирской Жизни»: «Даже японцы, несмотря на все свои успехи, озадачены и глубоко задумываются над вопросом, где и когда этот немногоречивый и спокойный человек остановится» [Там же. № 169]. Японцам, конечно, и в прекрасном сне не могло присниться, что их противник будет отступать, отступать и отступать чуть не до Харбина и так вплоть до начала мирных переговоров...

Другим героем из высшего командного состава, представшим со страниц газет, стал вице-адмирал Н. И. Скрыдлов, назначенный после гибели С. О. Макарова командующим 1-й Тихоокеанской эскадры. Пресса приводила его послужной список и отличные характеристики, описания торжественных проводов на театр военных действий (Севастополь, Москва, Петербург... снова Севастополь), наперебой печатались и перепечатывались интервью с адмиралом. Впрочем, последние вдумчивому читателю говорили сами за себя – Н. И. Скрыдлов намеревался приберечь флот до лучших времен, предоставив японцам возможность беспрепятственно высаживать войска на Корейском полуострове, поскольку, по его мнению, судьба войны должна была решиться на суше, а более отдаленные итоги войны и вовсе «не мое дело» [Там же. № 83, 95]. Шумиха в прессе улеглась, когда доблестный вице-адмирал вместо Порт-Артура добрался всего лишь до Владивостока, где принял командование над крей-

серским отрядом (Порт-Артур ко времени появления Н. И. Скрыдлова на Дальнем Востоке был уже блокирован).

Остальным высоким чинам армии и флота «повезло» гораздо меньше. Их имена возникают на страницах печати либо в связи с назначениями (обычно – в виде официальных послужных списков, как, например, в случае с генералами Н. П. Линевицем, О.-Ф. К. Гриппенбергом и А. В. Каульбарсом), либо по поводу действий вверенных им частей (в этом случае начальника хвалят, если часть показала себя хорошо, и ругают, если плохо). Иногда командующие оказываются в центре какого-нибудь боевого эпизода – и, скажем, «Дальний Восток» описывает героическую гибель командира 11 полка, полковника Лайминга [1. № 110], а «Сибирская Жизнь» – гибель полковника Хвастунова, «тихого, скромного офицера», который сам шел в бою впереди солдат [3. № 163]. Во всех остальных случаях «улыбка фортуны» определяется тем, оказался ли рядом с офицером корреспондент газеты или нет. Иначе как объяснить тот факт, что в «Дальнем Востоке» был опубликован целый ряд хвалебных заметок, посвященных генералу П. И. Мищенко, а «Сибирская Жизнь» про Мищенко молчит, зато в ней есть целая серия рассказов о генерале А. В. Самсонове? Последний предстает как решительный, умный, опытный генерал, приветливый с подчиненными, ответственный, заботливый: «надо – поведет под пули и сам пойдет, но без надобности не пожертвует ни одним солдатом» [Там же. № 172].

Единственным исключением из правил стал адмирал С. О. Макаров, о котором писали до гибели и продолжили после, чьи «гениальные планы» не пытались довести до «неискушенного» читателя, но о котором говорили с неизменным уважением. До его гибели с его именем связывали надежды на то, что с господством японского флота вскоре будет покончено. После гибели – о нем писали как об одном из самых отважных офицеров в России, способном стратеге, выдающемся адмирале и просто человеке, простом, заботливом, чувствующем, чью кончину продолжали оплакивать везде – от глухих деревень до бастионов Порт-Артура. А. С. Суворин писал в «Новом Времени»: «На памяти его не может лежать ни малейшего упрека не

потому, что он так трагически погиб, но потому, что он сделал чрезвычайно много уже тем, что дал два месяца для продвижения русской армии» [Там же. № 88].

Среди специальных корреспонденций «Сибирской Жизни» – гибель броненосца «Петропавловск», на котором находился адмирал. И Порт-Артур, узнавший горестную весть: плачущие матросы, оцепенение, скорбь: «невозможно выразить тяжкого чувства, охватившего душу» [Там же. № 93]. «Русские Ведомости» опубликовали на своих страницах последние письма художника В. В. Верещагина, в которых адмирал предстает, как живой: на рейде топят судно, оно не уходит полностью под воду, С. О. Макаров горячится: «Значит, переборки не перерубили! Значит, переборки не перерубили! – и ходит по-скобелевски, как тигр в клетке, по заваленной всякой дрянью барже, делает три шага вперед и три назад, и так снует, что твой тигр или белый медведь» [Там же. № 107].

Был еще один эпизод войны, которому пресса придала совершенно особое значение. Это – бой крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с превосходящей японской эскадрой 27 января 1904 г. в порту Чемульпо. Он был не просто многократно во всех подробностях описан – его разрекламировали как пример беспримерного мужества русских моряков, который потряс буквально весь мир: «Все источники, не исключая на этот раз и английские, свидетельствуют о впечатлении, произведенном на экипажи иностранных судов решением русских командиров принять безнадежный бой, о знаках спокойного мужества русских матросов» [Там же. № 42].

«Новое Время» отметило в своей публикации, что теперь настроения американцев изменились в пользу России, причем это изменение было вызвано именно героическим подвигом «Варяга». И даже в самой Англии атака «Варягом» японской эскадры «разбудила в британцах естественное восхищение, неизменно рождающееся перед благородным подвигом» [Там же. № 62].

В СМИ отмечалось, что бой с японской эскадрой носил крайне ожесточенный характер, к концу его на «Варяге» оставалось всего 1/3 команды, на «Корейце» еще меньше, остальные полегли, защищая родной флаг; среди оставшихся в живых все были

ранены, суда покидали со слезами на глазах [1. № 30, 59].

После боя оставшиеся в живых варяговцы были подобраны итальянским судном и затем переправлены в Россию. Далее началось своеобразное «турне» по городам России, начиная от Одессы и Севастополя и заканчивая Москвой и Санкт-Петербургом. Программа чествований моряков включала в себя многочисленные речи официальных лиц (и ответные речи варяговцев), торжественные шествия и молебны, парадные обеды и спектакли в честь героев и т. п. Все это в подробностях освещалось центральными газетами, а затем – местными (в разделе телеграмм).

Для примера можно взять сообщение о чествовании варяговцев в Одессе: команду «Варяга» приветствует речью командующий войсками округа барон А. В. Каульбарс (в духе: «взоры всей России обращены на героев», «получены сотни приветственных телеграмм» и т. п.). Гремит «Ура!» Государю и «Слава!» героям «Варяга». Далее следует торжественное шествие: «по дороге трогательные сцены: целуют моряков, поднимают на руки, словом, энтузиазм неописуемый». Далее героев встречает высшее духовенство, дума и депутаты от городских учреждений. Очередные речи, молебен, приглашение на обед в Сабанские казармы: «на этом пути расставленные шпалерами солдаты не смогли уже удерживать восторженные порывы провожавшей многотысячной публики, стремившейся хотя бы позжать руку кому-нибудь из героев-моряков, забрасывали цветами, целовали, качали на руках и несли вплоть до казарм». Снова речи, вечером парадный спектакль и проводы в том же ключе: «подъем патриотического настроения жителей по случаю приезда моряков-героев, поистине, недостижимый» [3. № 66].

И так в каждом городе по пути следования! Здесь мы тоже явно имеем дело с информационным «фильтром». И дело, конечно, не в том, что варяговцы не совершили того, что им приписывают. Дело в другом – никому не пришло в голову устраивать подобные чествования другим героям, скажем, солдатам Порт-Артуровского гарнизона, пережившим многомесячную осаду, или героям Вафангоу, Ляояна и Шахэ. Впрочем, о последних хотя бы писали, а, скажем, матросы и офицеры несчастной 2-й Тихоокеанской эс-

кадры удостоились в СМИ только слов о гибели, да рассуждений, почему сдалась эскадра контр-адмирала Н. И. Небогатова. И это при том, что на многих судах сражались с истинным героизмом, выдержкой и хладнокровием, да и сам поход был походом на верную смерть, как о том, например, свидетельствовал В. С. Кравченко, судовой врач с крейсера «Аврора»: «О политике говорить не принято – ну ее! посылают умирать – и шабаш! отлично! только скорее бы, а назад возвращаться – позор! хуже смерти! За что, спрашивается, мы столько претерпели?» [5. С. 69].

О другом герое, генерале Р. И. Кондратенко, который был душой обороны Порт-Артура, печать заговорила только на второй год войны. До этого на его долю не досталось и сотой части тех дифирамбов, которые пресса возносила, например, А. Н. Куропаткину. Зато после Мукдена ситуация поменялась, А. Н. Куропаткина признали виновным в поражениях армии, а про Порт-Артур писали в следующих выражениях: «Если эта “крепость” так долго продержалась, то только потому, что гениальный Кондратенко вопреки всем препятствиям импровизировал укрепления. Когда же укрепления были построены, пришлось взять орудия с судов, ибо других не было» [2. № 71].

Насколько успешным были попытки представить обществу тех или других героев? В случае с «Варягом» мы точно можем сказать, что эта своеобразная «рекламная акция» действительно имела успех. Даже сейчас среднему россиянину ничего не скажут названия Ляоян или Шахэ, он смутно вспомнит о Порт-Артуре, но что «врагу не сдастся наш гордый “Варяг”» – в головах сидит крепко! Показательно, что в том же Порт-Артуре, к подвигу «Варяга» отнеслись с заметной долей иронии, поскольку с точки зрения порт-артуровца варяговцы просто выполнили свой долг.

Пиар (говоря современным языком) А. Н. Куропаткина, как кажется на первый взгляд, окончился полным провалом, однако и здесь все не так просто. Тот же А. А. Игнатьев пишет в своих воспоминаниях о встрече с А. Н. Куропаткиным уже после отставки последнего с поста главнокомандующего: «Офицеры стали обсуждать, следует ли им идти приветствовать опального сановника. Но солдаты дружно устремились к вокзалу навстречу поезду...

– Он нашего брата солдата жалел! – объяснил мне один раненый сибирский стрелок на костылях».

И чуть дальше: «Нагнувшись, чтобы обнять на прощание своего бывшего начальника, я забыл обо всем, что накопилось горького в душе против него. Эта минута меня спасла, а громкое дружное, неподдельное “ура” солдатской массы, провожавшей поезд, окончательно подбодрило. Как мог я допустить себя до столь недостойного малодушия, когда такой старый воин, перенесший всю тяжесть поражения и позорно сброшенный с высокого поста, так покорен ударам судьбы и так безоговорочно готов на любом посту защищать свою родину и честь ее оружия» [6. С. 328].

В заключение остается добавить, что последующая оценка обществом Русско-японской войны как позорной, провальной, проигранной, во многом уравнила и героев, и трусов. Весь командный состав русской армии и флота стал восприниматься как одно целое (несостоятельное и бездарное), жертвы армии перестали цениться, героев чтили слишком мало (это отмечал ряд мемуаристов, в частности участник войны полковник К. И. Дружинин в своем «Исследовании душевного состояния воинов...» [7. С. 113–114]). Впрочем, по мнению К. И. Дружинина, «уравниванию героев и трусов» послужили еще и вскрывшиеся

злоупотребления, в том числе в раздаче наград (истинные герои оказывались не у дел, а те, кто сумели «втереть глаза» начальству, ходили, увешанные орденами; награждение зачастую носило случайный характер, Георгия получали легко раненые, а то и люди, вообще не бывшие в бою, и т. д.) [Там же. С. 83].

Этому же, на наш взгляд, способствовала и общая резкая смена оценок в СМИ, поскольку то, что Русско-японская война стала восприниматься обществом как позор, неизбежно «бросало тень» и на ее участников.

Список литературы

1. *Дальний Восток*. Владивосток, 1904.
2. *Дальний Восток*. Владивосток, 1905.
3. *Сибирская жизнь*. Томск, 1904.
4. *Вестник Маньчжурской армии*. 1904.
5. *Кравченко В. С.* Через три океана. СПб., 1910.
6. *Игнатьев А. А.* 50 лет в строю. М., 1989.
7. *Дружинин К. И.* Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1910.

Материал поступил в редколлегию 25.10.2007